

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

АНДРЕЙ БЕЛЯНИН
КИЦУНЭ

Андрей Белянин

Кицунэ

«АЛЬФА-КНИГА»

2020

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

Белянин А. О.

Кицунэ / А. О. Белянин — «АЛЬФА-КНИГА», 2020

ISBN 978-5-9922-3121-2

Кицунэ – это лиса-оборотень из Японии. Отличается красотой, хозяйственностью и чистоплотностью, умеет петь, танцевать, готовить, наводить порядок в квартире, читать стихи, нравится маме. В остальное время – машет самурайским мечом, убивает нечисть, калечит местный криминал, строит бесов, питается чаем или чёрными сердцами злых людей. В целом просто ми-ми-ми! P.S. Ровно до тех пор, пока она не поселилась в вашем доме...

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-3121-2

© Белянин А. О., 2020
© АЛЬФА-КНИГА, 2020

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

23

Андрей Белянин

Кицунэ

В двадцать семь лет было бы желательно уже хоть чего-то достичь. Пусть не попасть в список Форбс, не занять своё место в рядах долларовых миллионеров, не отметиться в министрах, политологах, депутатах, бизнесменах, блогерах, но стать хоть кем-то! Однако окончить университет в Москве, не суметь найти работу в столице, вернуться домой, где начинать карьеру со службы ночным сторожем в провинциальном доме-музее Велимира Хлебникова, – это почти дно...

Я поднял воротник тонкого плаща, поправил шарф, вздохнул ещё раз, закинул тяжёлую сумку за спину и ускорил шаг. Сегодня нужно было прийти на работу на час раньше. Звонила старший научный сотрудник Ольга, предупредить, что у них в гостях делегация хлебниковедов из Японии, значит, могут засидеться допоздна, иногда в подобных случаях приходится просто помогать с расстановкой и уборкой столов и стульев. Директор – пожилой человек, а сама Оля, как и её напарница Настя, тоже никак не отличается особой физической силой.

Впрочем, и дома мне заняться нечем, так что особых проблем в связи с более ранним выходом на работу не было. Художник на вольных хлебах почти всегда слишком волен, а уж художник-иллюстратор, видимо, вдвойне.

– Надо было учиться на дизайнера, – бормотал я, пряча лицо от порывов осеннего ветра с мелкими каплями дождя. И да, в современной книжной индустрии работа иллюстратора является не самой востребованной.

Большинство нынешних художников книги стоят на потоке, делая по четыре-пять-шесть обложек для пустопорожних детективов или нетребовательного фэнтези в месяц! Иначе никак не заработать на жизнь. Иллюстрации в этих случаях не требуются вообще. У меня так сокурсник работает в Питере, днём торчит в издательстве, а по вечерам лепит на компьютере обложки к дискам порнофильмов. Его право, ему семью кормить, остальное не важно.

Я сам не слишком дружу с техникой, рисуя по старинке на бумаге или холсте. Последний нормальный заказ был на десять полосовых иллюстраций для сборника стихов местного чиновника за счёт спонсоров из Газпрома. Стихи корявые и подобострастные, про любовь к добыче газа и родному краю, но рисовать в перьевой графике наш Кремль, старые церкви, каналы и городские пейзажи было довольно интересно.

Однако речь не об этом. На определённом этапе жизни я понял, что жаловаться на жизнь, здоровье, погоду, да на что угодно – абсолютно бесперспективное занятие. Во всех смыслах. Даже ради того, чтобы просто выговориться перед случайным попутчиком в плацкарте. Любая жалоба сама по себе несёт отрицательный заряд как попытка в той или иной мере переложить собственные проблемы на чужие плечи, требуя участия, сострадания, скупых слёз – ты, главное, только держись, братан, всё будет хорошо! Ненавижу, сам себя ненавижу...

Я живу отдельно от родителей, здоровый лоб под два метра, в маленькой однокомнатной квартирке, доставшейся по наследству от бабушки и переоборудованной мною под художественную мастерскую. Ем доширак, готовить не люблю, сплю на раскладном диване, убираю со стола раз в неделю, много рисую, хорошо ещё не пью. Возможно, потому что не на что, хотя одинокий, непьющий художник всегда вызывает лёгкое подозрение в чём угодно, от тайного веганства и поедания праны до ниспровержения существующего государственного строя.

В этом смысле работа в музее спасает, ночному сторожу редко приходится общаться с людьми. Кто-то считает подобную замкнутость первым признаком психических заболеваний, но я не уверен, что всё так уж плохо. В конце концов, это мой мир, мне в нём почти комфортно.

Да, одному. С бумагой, тушью и моими рисунками. Могу извиниться за то, что я именно такой, но, по совести говоря, кому оно надо...

– Алексей, вы очень вовремя, – приветствовала меня маленькая хрупкая девушка в очках, длинной юбке в пол и толстом свитере ручной вязки. Это и есть старший научный сотрудник нашего музея, её зовут Ольга, она вечно мёрзнет, но это и неудивительно – здание ещё дореволюционное, там всегда холодно, даже летом. – Всё уже заканчивается, гости уходят. Мы оставили вам торт.

– Спасибо, я уберу стулья, и...

– Нет, нет, – улыбнулась она, – это же японцы, представляете, они сами всегда всё убирают. У них в стране культ чистоты, с детства так воспитываются. Извините, что вызвали вас пораньше, но вы хотя бы посидите с нами за столом?

Вот этого не надо, я поблагодарил, конечно, но предпочёл уйти к себе в подсобку. Сидеть со всеми, пить чай, вести умные разговоры о литературе в целом и Хлебникове в частности – это не моё. Я не ценитель творчества «будетлянина», а такое в музее не прощается. В этом плане им лучше без меня, как и мне без всех. Поэтому я немного удивился, когда через полчаса в подсобку шагнул невысокий, совершенно рыжий (!) мужчина с короткой стрижкой, в чёрном костюме, в маленьких очках, с плохо скрываемым косоглазием и широчайшей улыбкой.

– Зидаратуйте!

– Здравствуйте. – Я встал навстречу гостю.

Он поклонился. Я поклонился в ответ. Мужчина смотрел одним глазом на меня, другим в окно и улыбался. Я не знал, что делать дальше. Вежливое молчание затягивалось, но я не понимал ни английского, ни японского, а он явно запомнил по-русски только «камышы-время» и «лебедиво».

Положение спасла вовремя появившаяся Оля:

– Профессор Сакаи, мы вас потеряли. Это не то крыло. Пойдёмте, пойдёмте!

– Сипасиба. – Он ещё раз поклонился мне, неуклюже развернулся на выход, сбил мою сумку с табурета, улыбнулся ещё шире, поднял, поставил обратно, поклонился и позволил себя увести.

Смешной человек, хоть и профессор. Но вежливый и ненавязчивый, в последнее время такие люди становятся редкостью. Если в Японии все такие, то мне, наверное, туда. Но не пустят, конечно. Там и своих художников-иллюстраторов хватает, у них это целая индустрия.

Я прикрыл глаза, на минуточку вспоминая разноцветные гравюры того же Хокусаи и даже близко не представляя себе, что произошло парой минут раньше, в какую удивительную историю втянул меня косоглазый японец, случайно заглянувший не в ту комнату. Впрочем, случайно ли?

...Когда все покинули здание, я привычно обошёл все помещения, проверил задвижки на окнах, вырубил везде свет, отключил камеры внутреннего наблюдения (экономия!), щёлкнул переключателем настенного пульта сигнализации. Вроде всё. Можно было вернуться к себе в подсобку, достать блокнот, гелиевые ручки и...

– Господи, торт пропал, что ли? – Я с подозрением покосился на оставленный для меня большой кусок шоколадного торта с кремом и дроблёными орешками. Подошёл, принялся.

Нет, кажется, всё свежее, но сквозь манящий аромат шоколада всё равно неуловимо проскальзывали кисло-пряные нотки запаха псины! Откуда, с чего?! Собак вроде бы и в соседнем дворе не было, при музее тем более никакой домашней живности не допускалось. Даже случайно забежавшие тараканы у нас не задерживались, им тут есть нечего.

Я раскрыл форточку в надежде, что запах улетучится, заварил крепкий чай и полез в свою рабочую сумку. В лицо буквально ударило такой ароматической концентрацией, словно я врасос расцеловал какого-то мохнатого, да ещё и насквозь мокрого пса!

– Что же тут творится-то, джедай мне в печень?

Когда я раздражаюсь, то вместо привычного всем мата (а он бесит меня вдвойне!) использую ругательства в стиле сериала «Звёздные войны», чьим фанатом я был много лет. Сейчас мне кажется всё это неким проявлением инфантилизма, как отказом взрослеть, но эта странная привычка прошла со мной через годы.

– На первый взгляд здесь никто не сдох, – вслух бормотал я, перелопачивая содержимое сумки.

Блокнот для рисования, с хорошей бумагой и твёрдой картонной обложкой, набор цветных гелиевых ручек, они более пластичны в рисунке, чем фломастеры, два твёрдых карандаша, мягкая стиральная резинка, неновый смартфон – вот, собственно, и всё. Никакой мокрой собаки, ничего не...

– А это ещё что такое? – Я достал не замеченную ранее японскую открытку.

Цветная печать, глянец, изображение какой-то мультяшной девочки в эффектном морском костюмчике карнавального типа, с лисьим хвостом и ушками. Не помню, как правильно называется такой стиль рисования, то ли манга, то ли аниме, мне оно непринципиально.

С обратной стороны стояли незнакомые мне иероглифы, выведенные обычной синей авторучкой. Собственно, они все для меня незнакомые, не только эти, но не важно. Гораздо более интересно, как она сюда попала.

Я повертел открытку в руках, потом положил на стол и развернулся к маленькому шкафчику за своей чашкой.

– Коничива! – мелодично раздалось за моей спиной.

Обернувшись, я выронил чашку на пол, разбив её вдребезги. На стареньком кухонном столе, закинув ногу на ногу в чёрных чулках чуть выше колена и красных туфельках, в весьма фривольной позе сидела та самая девушка с открытки. Огромные глаза, один синий, другой зелёный, шикарные светлые волосы, острые лисьи ушки, крохотный капризный носик, осиная талия и высокая грудь под натянутым синим платьем. Да чтоб мне Чубаку наголо стричь маникюрными ножницами, это реально был самый охренительный бюст на свете!

– Коничива? – чуть сощурившись, повторила она.

– Э-э, здрасте, – с трудом выдавил я, изо всех сил пытаюсь...

– А-а, Россия, страна северных варваров, с тобой всё ясно. – Девушка без малейшего акцента перешла на русский, сдвинула бровки и подсказала: – Глаза у меня тут!

– Где?

– Вот тут, на лице, а ты пялишься на мою грудь!

– Извини, я не... не хотел... Но ты... вы, кто?

– Глупый гайдзин, – вздохнула она, скептически оглядываясь по сторонам и обмахиваясь пушистым лисьим хвостом. – Можешь называть меня госпожа Мияко-сан! Впрочем, это не важно. Я пошла, меня ждут.

Как понимаете, собственно, в моих ответах никто не нуждался. Блондинка поправила волосы, спрыгнула со стола, элегантейшим образом взмахнув коротким подолом так, что я едва успел зажмуриться, и вальжной походкой направилась по коридору к выходу.

– Но как?

Гостя покачала вправо-влево хвостом, словно требуя от меня заткнуться и не мешать. Прошла целых десять метров, а потом обо что-то стукнулась лбом. Я услышал сдавленный рык. Она попробовала ещё раз, но тонкие пальцы её упирались в невидимую глазу стену. Лисичка скорбно выдохнула, крайне эмоционально выругалась на японском и обернулась ко мне:

– Слушай, гайдзин, у тебя есть имя?

– Алексей Лепёхин. Можно спросить, а...

– Не нужно, для твоего разума это лишняя информация. Где та открытка, что ты вытащил из сумки?

Обернувшись, я указал взглядом на стол, видимо, лежит там же, где оставил. Девушка без улыбки обошла меня, деликатно придерживая подол пальчиками. Она вернулась в подсобку, взяла открытку со стола, удовлетворённо улыбнулась, чмокнула листок розовыми губками и едва ли не вприпрыжку отправилась на выход. На этот раз треснувшись лбом уже с разбега и приземлившись на пол пятой точкой! Такой круглой и упругой, что даже пару раз немного подпрыгнула, как мячик!

– Чэнг-чанг! Маццу! Ончи, ончи, ончи!!!¹

Кажется, даже мне было понятно, о чём речь.

– Помочь? – Я протянул ей руку.

– Отстань. – Госпожа Мияко-сан выпустила две струйки пара из носика, оттолкнув мою ладонь. Потом она повертела открытку и ахнула: – Подарок? Это я, что ли, подарок?!

– В смысле?

– Этот старый дурак Сакаи просто взял и подарил меня! И кому? Тебе?! Уродливому варвару, лохматому переростку с дурным запахом, поедателю жирных тортов! Да ещё и собственную подпись оставил! Почему от так со мной... за что... я не понимаю...

---

¹ Чёрт побери! Задница, задница, задница!!! (яп.) – Здесь и далее примеч. авт.

Ох, я так вообще ничего не понимал, но что же делать? Объяснять мне никто ничего не собирался, а нарочитое высокомерие и мало прикрытая грубость уже начинали несколько раздражать. Девушка была слишком красива, чтобы не восхищаться ею, но и молчать, когда тебе окончательно садятся на голову, тоже порой трудновато. К тому же кто бы говорил о дурном запахе, когда сама пахнет мокрой псиной...

– Что ты сказал? – уточнила она.

– Ничего.

– Неправда, ты подумал, что я пахну собачатиной?

– Мокрой псиной, – поправил я.

– Это запах лисицы, смертный, – прошипела Мияко-сан, и её разноцветные глаза сделались одинаково чёрными от ярости. – Ты когда-нибудь видел, как зверь выгрызает сердце у человека? А представляешь, на что способен оборотень или демон, нет? Тогда тебя ждёт сюрприз-и-из...

Я, честно говоря, до сих пор не особенно въехал, к чему ведёт эта странная девчонка, одетая, как самая упёртая косплейщица с Питер-комик-кона. Но костюм был нереально крутой, потому что ушки прижимались и вставали, а хвост вообще двигался так, словно был частью её тела. В её милом ротике сверкнули острые белые зубки, и в то же мгновение я почувствовал на собственной шее жар её дыхания, а потом...

– Мадзи?!² А если я попробую вот так?

Она клацнула зубками в считанных миллиметрах от моего носа. Раз, два, три... всё вхолостую.

– И собственно, что это было?

– Мо ий ё!³ Забудь об этом, я даже укусить тебя нормально не могу. – Блондинка вновь уселась на стол, вперила в меня немигающий взгляд. – Что ты за человек, гайдзин Альёша-сан? Ты волшебник, маг, просветлённый монах в одеждах простолюдина?

– Я художник. Рисую всякие картинки для книг.

– Достойное занятие, быть может, ты и не так глуп, как кажешься на первый взгляд. Впрочем, и на второй, и на третий тоже. А что же такой великий мастер делает здесь?

– Подрабатываю ночным сторожем. – Как я уже говорил, мне часто трудно общаться с людьми, я становлюсь замкнутым и косноязычным, но неожиданная гостья умела настоять на своём.

– Что ж, раз уж волей Небес сейчас ты мой хозяин и господин, мне не уйти от тебя и не разорвать твою плоть, то позволь мне хотя бы узнать о тебе побольше. Какого ты рода, высок ли твой сан, кто твои уважаемые родители, кто был твоим учителем мастерства, где твой дом, почему ты так беден и почему до сих пор не женат? – Она заметила моё замешательство. – Ну, пожалуйста, расскажи, расскажи! Ну, ми-ми-ми!

Словно по волшебству блондинка с пушистыми ушками стала улыбчивей и обаятельней самого няш-мяшного прокурора Крыма. Отказать ей хоть в чём-либо казалось абсолютно невозможным. Я пытался, но кто бы мог перед ней устоять? Мияко засучила рукава, сама заново заварила свежий чай и, поставив передо мной чужую кружку, села напротив, выпятив грудь, подперев подбородок кулачками и заинтересованно хлопая длинными ресницами. Кажется, я начинал понимать, каким именно образом японское аниме сумело завоевать весь мир...

Мы проговорили всю ночь. По-моему, я рассказал ей всё, начиная с раннего детства и заканчивая учёбой в Московском полиграфическом институте, куда я поступил со второго раза

---

² Это серьёзно? (яп.)

³ Проехали, всё! (яп.)

благодаря армейским льготам. Хотя прослужил от звонка до звонка с кисточкой в гарнизоне Новороссийска, а автомат видел всего один раз на присяге.

О том, как не сумел зацепиться в столице, потому что никогда не умел заводить нужные связи и дружить с полезными людьми. Художник должен рисовать, а не рекламировать себя! Глупость, конечно, сейчас без саморекламы и правильного продвижения вообще никуда.

Не женат, потому что, обжёгшийся пару раз, старался поумнеть и в любых отношениях включать голову. И вообще, кто сказал, что одинокие люди непременно обязаны быть несчастливы? Мои родители бывшие педагоги на пенсии, они меня очень любят, я их тоже люблю, поэтому предпочитаю жить сам. В этом плане многие известные художники, музыканты и писатели начинали сторожами или кочегарами. Ничего оригинального, мне, к примеру, проще рисовать по ночам, отсыпаясь днём.

– Ты та-ко-ой интересный, Альёша-сан. – Девушка с хвостом зааплодировала мне, прыгая на одной ножке, искренне хохоча и даже вытирая выступающие слёзки. – Я так давно не видела людей! Они все очень забавные, но, к сожалению, хрупкие и всё время умирают. Печалька-а...

Мне было легко с ней. Часам к четырём утра я вообще забыл о каких-то там комплексах, потому что даже не заметил, как уснул. Бодро встал по сигналу будильника в смартфоне в восемь утра, потому что уже в девять должны были прийти уборщица, две пенсионерки-смотрительницы, а к половине десятого и все остальные сотрудники.

Мне всегда удавалось уйти до прихода заведующего музеем. Он хороший человек, искренне увлечённый своим делом, но почему-то объявил музей храмом, считая, что стихи Хлебникова здесь обязаны любить и знать все! Даже ночной сторож.

Остров Хоккайдо, Япония

– Отец...

– *Не волнуйтесь, я вижу её. Моя дочь в плену гайдзина, но, возможно, этот человек сумеет преподать ей те знания, какие она не освоила в родном доме.*

– *Но она ещё совсем маленькая и глупая. Люди могут обидеть её.*

– *Если обида ничему не учит, урок придётся повторить снова и снова.*

...Когда я открыл глаза, никакой девушки-лисы из японского аниме в подсобке, разумеется, не было. Но и верить в то, что всё это был лишь красивый сон, не хотелось. Я даже успел сделать в блокноте пару набросков по памяти, хотя уловить смешливую и живую мимику госпожи Мияко-сан, наверное, было практически невозможно.

Открытку я забрал с собой, в конце концов, мне её подарили. Нет, конечно, можно предположить, что этот самый косоглазый профессор Сакаи, поднимая мою сумку, совершенно случайно выронил из нагрудного кармана открытку в стиле аниме. Но, с другой стороны, Мияко сказала, что там написано слово «подарок». Если человек заранее подписал, то, наверное, уж точно хотел кому-то подарить, а раз не указал имя получателя, то почему бы и не мне? В той же Японии это называли бы волей Небес.

Поэтому открытку я отдавать не собирался, сунул её в нагрудный карман серого плаща. Когда вышел из музея, прикрыв за собой двери, на улице опять начинался дождь.

– Капает, мне холодно! Останови нам повозку.

Я чуть не подпрыгнул от неожиданности. Рядом со мной стояла та самая лиса. Её костюмчик не изменился и, конечно, мало подходил для поздней осени. Ушки поникли, хвост опустился.

– Ты как будто не рад меня видеть, Альёша-сан? Увы, я тоже не в восторге, но что делать? Меня тебе подарили, теперь я буду жить у тебя в мастерской. Мы, кицунэ, очень чистоплотные и аккуратные, так что я не доставлю больших хлопот. Если только не замёрзну и не за-бо-ле-ю!

Я автоматически достал сотовый, набрал службу такси, и, наверное, через пару минут рядом с нами остановилась белая «хонда». Центр города, утренние часы, свободных машин полно, а сто рублей в любой конец даже я иногда могу себе позволить.

– Девочку в детское кресло? – спросил водитель.

– Мне сто двадцать шесть лет, скоро второй хвост начну отращивать, – грозно возмутилась госпожа Мияко-сан, – вези нас домой, извозчик, и, если хочешь дожить до старости, не задавай больше глупых вопросов.

Мужчина обернулся ко мне с недоуменным взглядом. Я мысленно проклял милую лисичку, абсолютно не понимая, почему должен слушаться её, да ещё и позориться на людях, тихо пояснив:

– Кино снимают. Актриса из Москвы, никак из роли не выйдет. Видимо, выпила вчера.

– Я бы сказал, что ещё и накурилась, – понятно кивнул таксист, плавно пуская машину вперёд.

В дороге девушка с откровения вела себя так, что я раз сто хотел застрелиться, придушить её, заклеить рот скотчем, выпить яду, выкинуть её из машины, сдать в психушку, сдать туда же самому, но только чтоб заперли в разных палатах, дёрнуть руль так, чтоб мы вместе с машиной перелетели через ограждение и навеки утонули в Волге! Если персидская княжна была хоть на треть так же болтлива, то любой суд присяжных полностью оправдал бы поступок Степана Разина.

Однако, к моему немалому изумлению, водитель не сказал ей ни слова. Он лишь разинул рот и во все глаза пялился в зеркало заднего вида, где отражалось шикарное декольте моей спутницы, чья грудь периодически пыталась выпрыгнуть из коричневого лифчика с кружевами. Как мы вообще доехали, ни во что не врезавшись, ума не приложу...

Когда расплачивались за поездку, таксист передал мне визитку:

– Понадобится такси, для неё – в любое время дня и ночи! Даром! Только звони, брат, умоляю!

Мы уже подходили к дому, когда сзади раздалось тоскливое:

– Хотите, я у вашего подъезда дежурить буду?

Я набросил свой плащ на плечи Мияко, и она утонула в нём по щиколотку. Уже в подъезде, доставая ключи, мне вспомнилось, что в общем-то холодильник был почти пустой. Я не ждал гостей, чаще всего меня навещает мама, изредка вместе с отцом, но девушка в моей квартире последний раз была, наверное, года три, если не четыре назад. Поэтому и...

– Да-а... – Скептически оглядевшись, гостя с откровения поморщила носик. – Как ты только живёшь в таком свиарнике? Я, конечно, понимаю, что творческие люди всегда чуточку не от мира сего, но чтоб до такой степени... Ты уверен, что в прошлой жизни не выкапывал пятакком жёлуди у подножия священной горы Фудзи?

– Вообще-то это мой дом.

– О-о, прости меня, великодушный Альёша-сан, – она сложила ладони перед грудью и несколько раз низко поклонилась мне в пояс, так что длинные золотистые волосы едва не касались пола. – У лисицы есть нора, у вороны гнездо, у человека дом, а у тебя... Уф! Да кто я такая, чтоб судить о жилище моего экстравагантного господина? Нехорошая девчонка, плохо себя веду! Где у тебя домашние бесы?

Кажется, я затупил. Мне было трудно угнаться за её фантазиями, я ещё только-только думал о том, как бы разгрести стол и предложить блондинке с ушками хотя бы кофе, потому что вопросы копились, и если ночью она узнала обо мне всё, то, возможно, сейчас была моя

очередь? Давить на неё и требовать правды я, наверное, не смог бы, но дружески поболтать за чашкой кофе это ведь куда более приятней.

– Эй ты, мастер, рисуешь книги, я говорю, где спят твои домашние бесы? – Мияко-сан, нетерпеливо постукивая хвостом по полу, вперила в меня нетерпеливый взгляд.

– Когда я переехал сюда, мама советовала освятить квартиру, – зачем-то вспомнил я, – но здесь никого нет, ни духов, ни привидений.

– Уверяю тебя, они есть! – авторитетно заявила лиса. – Твоя мать воистину мудрая женщина, и ты был бы куда счастливее, если б следовал её советам. Но сейчас нам нужны именно бесы.

Она громко хлопнула в ладоши и, задрав голову, что-то призывно протяфкала. В углу под столом зашевелилась пыль, раздалось шуршание под диваном, что-то брякнуло в туалете, а потом перед нами стояли четыре натуральнейших бесёнка, из тех, которых так любили изображать советские художники, рисуя карикатуры на попов и верующих. Чёрные, вертявые, на тонких ножках, с рогами, копытцами и хвостиками, изогнутыми в вопросительный знак. Я протёр глаза...

– Чё нать?

– Во-первых, можете называть меня госпожа...

– Ты кто такая, тётъ? Вааще не из местных. Ты чё тут на всех хрипишь?

– Во-вторых, дом вашего хозяина не содержится в надлежащем порядке. Это ваша вина.

– Гля, сама лисичка, а борзее, как собака! Ща мы этой якудзе хвост задерём, а потом...

Я взял с полки тяжёлый том анатомии Годфрида Бамесса и молча опустил на голову самого говорливого. Под книгой что-то хлопнуло. Бесы ошарашенно вытаращились в мою сторону.

– Право, не стоило, – протянула Мияко, но в разноцветных глазах её впервые сквозило подобие уважения, – мой господин дал мне кров над головой, защиту от дождя и ветра, а уж сделать его пригодным для жилья способна любая, даже самая слабая женщина.

Потом она вдруг упала на четвереньки, вздыбила хвост, прижала ушки и, оскалив клыки, взревела нежнейшим голоском так, что троица бесов едва не скопытилась:

– Грязные недоноски, а ну живо за работу! Пока я не вспорола ваши волосатые животы, набив их осенними листьями, не переломала вам все кости до единой, а некоторые дважды, не содрала с вас кожу, словно рисовую шелуху, и своими же руками не оторвала ваши тупые головы, поменяв их местами с тыквами на крестьянских полях! Вопросы?!

Перепуганные бесы носились по квартире с такой скоростью, что у меня от ряби закружилась голова. Буквально через пять минут всё сияло, блестело, было аккуратно расставлено или лежало на своём месте, так чисто здесь не было никогда! Я вспомнил пристрастие японцев к уборке.

Получается всё не так сложно, главное – правильная мотивация. Так ведь? Кроме того, оказывается, что у меня дома давно живут три (один уже не жилец!) шикарных рогатых Золушки, просто им давно не напоминали об их прямых обязанностях...

– Круто, – наконец сумел выдохнуть я, – спасибо, не ожидал. Могу угостить тебя кофе?

– Кофе – это фу-у! Я пью зелёный чай, молоко или кровь, – широко улыбнулась Мияко, кокетливо поправила волосы и присела на краешек табурета, выпрямив спинку и сложив руки на коленях, как первоклассница. – Ты доволен мной, Альёша-сан?

– Алексей, – попытался поправить я.

– Нет, мне так не нравится. Я знаю, что можно говорить Альёша, это более распевно и ближе к японскому. И да, тебе можно.

Я неуверенно поднял бровь.

– Ты хотел потрогать мои уши, потому что не доверяешь мне. Можно! Только не щиплись и не щекотайся!

Она наклонила голову. Я не стал долго раздумывать, в конце концов, эта веселая игра с глюками, гипнозом и современными технологиями пластического грима хотя и была страшно захватывающей, но в любой момент должна была закончиться смехом всей киногруппы – вас снимает скрытая камера!

Ушки лисы были пушистые, тёплые, упругие. Живые. Они крепко стояли у неё на макушке, не будучи ни приклеенными, ни прицепленными к волосам каким-нибудь хитроумным механизмом.

– Э-э... – Кажется, мне немножечко поплохело.

– Не, не, не, так мы не договаривались! Я не буду поднимать подол и снимать трусики только для того, чтобы очередной извращенец убедился, что и хвост настоящий!

– Вот... даже в мыслях... не было!

– Я знаю, – звонко рассмеялась моя необычная гостья, хлопая в ладошки. – Знаю, я просто пошутила! Ты бы видел сейчас свою красную физиономию, гайдзин... Хи-хи-хи!

В общем, глядя на счастливое круглое личико Мияки-сан, мои губы также невольно растянулись в улыбке. Сердиться на это беззаботное создание всерьёз было совершенно невозможно.

Когда мы оба отсмеялись, я попытался быть чуточку серьёзнее и ответственной. Клянусь ушами магистра Йоды, тогда я всё ещё воспринимал её девчонкой...

– Расскажи о себе, теперь твоя очередь.

– Твой мозг не выдержит всего и сразу, – она капризно выпятила губки, – я буду рассказывать честно, каждый день, понемножку. Хочешь, приготовлю тебе твой кофе? Я умею. Ты будешь пить и слушать. Но у меня условие! Потом покажешь мне свои рисунки?

С кофе госпожа Мияко-сан справилась быстро, и да, обращаться с медной туркой она действительно умела. Вот только выпить его мне так и не пришлось, потому что, когда я сделал пару первых глотков, начался её рассказ. Чем дальше шло повествование, тем меньше мне было дела до этого самого кофе, будь оно четырьмя раз проклято Дарт Вейдером...

Я повторяю её рассказ так, как запомнил его сам. Полгода назад знакомый психолог моего отца, старенький доктор наук, посоветовал мне вести ежедневные записи, хотя бы пять-шесть строк о самых важных событиях, которые произошли со мной или чему лично я был свидетелем. Именно ручкой на бумаге, никак не в блогах или «живых журналах», кстати, давно почивших в бозе.

Де-факто это должно было помочь мне адаптировать сознание от личностного восприятия мира к отвлечённому. Мягкая созерцательность вместо перекладывания своих и чьих-то проблем на мои или же чужие плечи. Из уважения к сединам учёного я принял совет к действию, именно поэтому сейчас у меня есть возможность перечитать и вспомнить всё, что было, хотя очень многое мне, наверное, хотелось бы забыть. Итак?

Мияки была кицунэ, то есть лиса. Настоящая японская лиса-оборотень, способная принимать облик человека, чему она учится несколько десятков лет. Некоторые исследователи местного фольклора считают, что соседний Китай изменил истинную природу японских лис, даровав им качества злобных демонов. Кицунэ приписывают способность вселяться в чужие тела и предметы, создавать иллюзии, питаться как духовной силой человека, так и его физической плотью.

Чем взрослее лиса, тем больше у неё может быть хвостов, самыми сильными и мудрыми являются те, кто может гордиться девятью хвостами. Чаще всего японские лисы, как наши русские, считаются обманщиками и хитрецами. Мияко-сан относилась к чистопородным кицунэ, умевшим обуздывать в себе демонические порывы. И да, хотя она была очень сильной, однако сила не всегда равноценный синоним свободы. Так что и моя гостья с открытки вынужденно подчинялась определённым законам. Большого в тот день мне сказано не было...

– Но, если хочешь, ты ведь всегда можешь посмотреть информацию о нас в интернете, – беззаботно качая ножкой, предложила кицунэ, – я же знаю, что ты не веришь мне, не веришь собственным глазам, никому и ничему не веришь. Не спорь. Так или иначе, ты принял подарок старого пьяницы и...

– Он был трезвый, – на автомате опроверг я.

– Его фамилия Сакаи, переводится на ваш язык как алкоголь плюс колодец. Наши так и называли его «колодец для sake». А потом он как-то поймал меня на открытку, тикусёмо!⁴

– Это как переводится?

– А-а, ерунда, какая разница... Слушай, мой хозяин и господин, а где тут у вас можно раздобыть нормальный зелёный чай? Ну, или я могу сожрать сердце твоего врага. У тебя есть враги, Альёша-сан?

В общем, мне было проще прогуляться до магазина, разрешив своей гостье трогать, смотреть и брать в руки всё, что покажется ей интересным. До зарплаты предстояло жить ещё неделю, денег на счету тысяча с чем-то. Один я как-то умудрялся справляться, но вдвоём?

– Прогуляется он... Идём вместе! Я с тобой в открытке, не хочу мокнуть...

В тот же момент она исчезла. Я проверил внутренний карман плаща, всё правильно, открытка лежала там же. Типа Мияко уже в ней? Ладно, пусть так. Пока шёл под дождём, без зонта (он у меня есть, просто я о нём забыл), благо магазин на углу, мне в голову пришла странная мысль: неужели теперь эта девушка-лиса действительно будет жить со мной? Насколько долго?

Нет, разумеется, по факту я мог выгнать её за порог в любую минуту, но что, если ей действительно некуда идти, и через каждые десять шагов от меня, в любую сторону, она будет наткаться на магическую стену? Тогда получается, что и мне невозможно избавиться от неё.

Куда бы я ни направился, меня всегда будет преследовать странная красавица с рыжим хвостом. А как потом объяснить её присутствие в квартире родителей? Сказать, что это моя натурщица, но она кроме позирования ещё здесь живёт и спит? Кстати, надо бы подумать, куда её уложить на ночь...

На секунду именно эта мысль показалась мне довольно приятной. Я вспомнил формы и соблазнительные линии тела Мияко-сан. Интересно, до какой степени она считает, что я её владелец?

В ближайшей «Пятёрочке», наводнившей в последние годы весь город, мне удалось найти настоящий китайский чай, отдельными брикетами, а не пакетированный или рассыпной. Судя по цене, у меня хватит денег ещё на маленькую шоколадку. Как и на что мы будем жить дальше, непонятно, но, с другой стороны, не угостить сказочную гостью означало бы проявить неуважение, а подобное в Японии не прощается. Как там говорят, я бы «потерял лицо».

Современный Токио

– Отец, неужели она во всём призналась ему?

– Да.

– Наша сестра раскрыла чужаку все тайны клана?!

– Нет ничего таинственной души человека. Она пытается понять своего гайдзина. Нам остаётся только верить ей.

...Когда я вернулся домой, то сначала отпер дверь ключом, а потом с порога выложил открытку из кармана на табурет в прихожей. Ничего не произошло. Я повесил плащ, прошёл на кухню, разобрал пакет, а когда вернулся в комнату, то кицунэ уже сидела на диване в моей

---

⁴ Сукин сын! (яп.)

рубашке на голое тело, поджав под себя босые ножки. Её моряцкой одежды рядом не было, из ванной комнаты слышался звук плещущейся воды.

– Отдала бесам в стирку, – не поднимая на меня глаз, пояснила девушка, вокруг неё на диване лежали три или четыре моих блокнота для рисования, – а ты неплохо справляешься, хоть пока и не мастер. У-ум... – она повела носиком, – ты купил мне чай? Хороший хозяин, добрый хозяин, заботится о своей жизни. Скажи, много ли серебра дают за твою работу?

– Сторожу платят по минимуму, тем более что я работаю через сутки. А за рисунки... пока не очень. То есть от слова «вообще».

– Это потому, что ты рисуешь всякую ерунду, – безмятежно потянувшись, заявила она, – вот смотри: цветы, ваза, подоконник – зачем это?

– Это натюрморт.

– Кому нужны непонятные цветы на чужом подоконнике? Или вот эта девушка, она кто? Я отобрал у неё блокнот с портретом моей бывшей.

– Ага, ты покраснел, Альёша-сан! Наверняка она задела твоё сердце. Но разве, рисуя, ты не видишь душу человека? Неужели по её надменному взгляду и причудливым тонким бровям непонятно, что эта женщина презирает тебя?

– Хватит.

– Презирает, смеётся, не уважает, не ценит, не любит, – пустилась загибать пальцы бесцеремонная лиса, поигрывая хвостом. – Зачем такую стерву рисовать?

В тот же миг она ловко бросилась вперёд, неуловимым движением выхватив у меня блокнот, и торжествующе разорвала четыре портрета моей прошлой девушки в клочья, которыми она и обсыпала меня с ног до головы, приплясывая на диване и хохоча как сумасшедшая. Моя белая рубашка с длинными рукавами, доходившими ей до колен, только усиливала впечатление, что дом начинает превращаться в психушку...

– Даже не думай трогать чай, я сама!

Мне оставалось в очередной раз удивиться её способности читать простые мысли.

– И не пялся на мою грудь, я вроде бы застегнула все пуговицы до воротника?

Все, молча вздохнул я, однако рубашка так соблазнительно натягивалась там, где надо, и создавала глубокие тени там, где следовало, поэтому не пялиться было совершенно невозможно. Я попытался взять себя в руки. Нет, не в этом смысле, чтоб тебя, принцесса Лея с витыми бубликами!

– Тебе надо успокоиться, расслабиться, прийти в себя. – Стоило мне опуститься на стул, как Мияко оказалась сзади, и её сильные пальчики стали уверенно массировать мне плечи. – Не надо так переживать из-за прошлого, ты всё равно его не догонишь и не вернёшь. Когда ты поднимаешься на священную гору Фудзи, то любая её песчинка под твоей ногой так же священна. Но стоит ли на пути к вершине бежать вниз за каждым камешком, упавшим из-под твоего каблука?

Я не знал, что ей ответить. Хотя, конечно, во многом она права, но мои рисунки всё равно не стоило рвать. Потому что...

– Обычно мы, кицунэ, используем такой момент, чтобы сломать человеку шею, – нежно раздалось у меня над ухом. – Зазнавшийся самурай, хвастливый купец, глупый учёный, похотливый богач – все они считают себя хозяевами жизни. А на самом-то деле... шас... угу... ещё чуть-чуть!..

Я обернулся. Пыхтящая Мияко-сан изо всех сил пыталась сомкнуть руки на моём горле.

– Не получается?

– Нет, – раздражённо фыркнула она, – пойду готовить чай.

– Тебе помочь?

– Что ты понимаешь в чайной церемонии, глупый северный варвар?! Ваш народ ставит на стол самовары, пироги, варенье, сахар и мёд, полностью убивая истинную сущность чая, чьи зелёные листья отражают свет глаз самой богини Инари!

– То есть отойти и не мешать? – Я подумал, что очень кстати забыл в кармане шоколадку.

– Варвар начинает умнеть.

Шум воды в ванной комнате прекратился. Из-за двери высунулся взмокший бес в хлопках мыльной пены, увидел разбросанные по полу клочки бумаги, всхлипнул и поплёлся за веником. Ещё двое вышли, держа в лапках таз с выстиранной одеждой моей гостьи, направляясь на балкон, там натянуты верёвки для сушки белья. Похоже, теперь эта троица будет всё делать по дому, а мама так настаивала на покупке стиральной машины и пылесоса. Зачем? Есть же домашние бесы.

Я собрал блокноты с дивана, вернув их на рабочий стол. Здесь также царил непривычный мне порядок: все карандаши аккуратно заточены и разложены по своим местам, кисти отмыты, стоят ворсом вверх в своей банке, листы бумаги и картона лежат отдельными пачками, рассортированные по размеру и плотности, тушь, акварель, гелиевые ручки, перья, фломастеры – если вдруг появится желание рисовать, всё под рукой.

Твори в своё удовольствие! И только настоящие художники знают, что если в мастерской исчезает так называемый творческий беспорядок, то и само искусство мгновенно уходит прочь. Вспомните хотя бы, в каких условиях жил Ван-Гог, а как он творил...

– Свежезаваренный чай для моего господина!

– Слушай, раз уж мы намерены, – я принял из нежных ручек кицунэ кружку горячего зелёного чая, источающего невероятный аромат, – раз уж ты намерена здесь остановиться на какое-то время...

– Меня подарили тебе, Альёша-сан, и ты принял подарок, – чуть сощурившись, напомнила она, с чарующей улыбкой грозя мне пальчиком, – я буду с тобой до самой твоей смерти, а это так долго! Наверняка ты хочешь умереть от старости, да? Но это же ох как не скоро. Быть может, если я очень-очень-очень попрошу, ты согласишься умереть немножечко пораньше? Например, завтра! Ми-ми-ми...

– Ты всё время хочешь меня убить?

– Когда как, иногда больше, иногда меньше. Но да, всё время.

– И что мне делать?

– Не знаю, – подумав, отмахнулась Мияко-сан, – сиди, пей чай!

Она сама вновь вернулась на диван, залезла на него с ногами и своей чашкой. Пила она неторопливо, отхлёбывая маленькими глотками, каждый раз блаженно выдыхая через нос и щурясь от удовольствия. Я смотрел на неё сквозь пары зелёного чая и никак не мог понять, почему я, взрослый и вменяемый человек, так легко верю больной сине-зелёноглазой девочке-блондинке со сложной генетической мутацией какого-то неведомого науке зоологического плана. Да, у неё настоящие лисьи уши и других, человеческих, нет. Как такое возможно, я не знаю, я не учёный.

Также у неё пышный рыжий хвост с кончиком, словно обмакнутым в белую гуашь. И это именно её хвост, естественное продолжение позвоночника, что у нормального человека является атавизмом. Может быть, для окончательного моего успокоения сводить её на рентген?

Хотя ей-то какой в этом интерес? Она ведь и так вполне себе уверена в собственной идентичности. Получается, не в порядке что-то со мной? Излишний скептицизм или уже просто какое-то нездоровое недоверие ко всему на свете, как и отметила проницательная гостя.

Мой смартфон просигналил дважды, две эсэмэски от мамы:

– «Ты не звонишь», «Всё в порядке?».

Проще перезвонить сразу, пока мама не начала волноваться окончательно. Мияко-сан, вскинув бровь, покосилась на меня синим глазом, я приложил палец к губам, призывая её к молчанию. Мама у меня на быстром наборе, одной цифрой. Через четыре гудка она взяла трубку:

– Алёша, ну нельзя же так, ты не звонил вчера, не звонишь сегодня, я волнуюсь.

– Мам, всё в порядке...

– Тяф-тяф!

– Не поняла, что ты сказал? Плохо слышно.

– Мам, я говорю всё в порядке, не переживай! – Мне пришлось демонстративно повесить голос, но весёлую лисичку это не остановило.

– Фыр, фыр! Тяф-тяф-тяфк!

– Сынок, что это было?

– Ничего. – Я ладонью прикрыл динамики от прыгающей вокруг меня кицунэ.

– У тебя дома собака? Алёша, тебе нельзя заводить домашних животных, у тебя аллергия!

– Это телевизор!

– Да что ты мне говоришь, а то я не слышу, как она скулит и бьёт хвостом, – победно заключила мама, переходя на полный трагизма голос, – сынок, ты меня знаешь, я никогда не лезу в твою жизнь. Ты взрослый человек. Просто избавься от этой собаки, пока она щенок!

Я опустил трубку, короткие гудки. Всё, мама обижена, и разговор через пару часов будет уже с папой. Впрочем, он куда более спокойный человек, и, возможно, его не удастся заставить уже сегодня вечером ехать ко мне с проверкой. Счастливая блондинка умирала от хохота на диване, суча ножками и виляя лисьим хвостом! А вот мне сейчас совершенно не было весело,

ну ни капли! Вышедшие с балкона бесы также поддержали меня сочувственными взглядами. Дожил, Си-Три-Пи-о...

– Когда она придёт в твой дом, Альёша-сан, – кицунэ, прыгнув, обняла меня за пояс, на миг прижавшись головой к моему правому боку, – я ей понравлюсь, уж поверь! Я умею нравиться мамам, нас этому с детства учат!

– Хочешь шоколадку?

– Да-а!

Я тупо покачал головой, вытряхивая все тяжёлые мысли, и устало достал из кармана джинсов маленькую размякшую «Алёнку». Мияко забрала её у меня, сунула в рот, даже не разворачивая, прямо в обёртке, и так аппетитно зачавкала, что я вновь невольно улыбнулся. Как у неё это получается?

Да, она меня бесит, да, с ней порой жутко сложно, но в чём-то её присутствие в моём доме было похоже на порыв свежего ветра из окна, оживляющего всё, сдувающего скучные старые рисунки на пол, приносящего с собой солнечный свет и нечто совсем новое, непонятное, другое, но очень нужное, важное и настоящее...

– Ох! – Мияко вдруг прикрыла ротик ладонкой, вытаращив и без того огромные глаза. – Кажется, я всё съела. Ты не остановил меня, так нечестно! Почему ты ничего не купил для себя?!

– И кто же тут называл меня глупым гайдзином? Причина проста – деньги кончились.

– Сиди тут!

Мияко-сан вдруг превратилась в размытое белое с золотым пятно, мельтешащее по моей квартире. Буквально через четыре-пять минут она поставила передо мной полную тарелку белых рисовых шариков. Выглядели и пахли они очень аппетитно.

– Это называется онигири! В твоём доме почти нет продуктов, я нашла немного риса и масла, а ещё соль и две ложки томатной пасты. Как только ты живёшь на такой диете? Большой человек должен много есть! Ты когда-нибудь видел борцов сумо? Вот это воистину мужчины!

Ну, не сказал бы. Выглядеть такой жирной тушей у меня не было ни малейшего желания. А потом я попробовал шарики, и оказалось, что эта девочка вполне себе умеет готовить. Ни за что не предположил бы, что из обычного риса, даже без начинки, может получиться такая вкусная вещь.

Хотя если принять на веру, что японские лисы обладают магией и колдовством, то, наверное, многое становится понятным. Да и честно говоря, есть ли смысл задумываться, когда в доме вдруг появилось женское существо, обеспечивающее порядок, уют и питание?

От предложения разделить со мной еду Мияко отказалась. По её словам, кицунэ может годами довольствоваться чаем, иногда коровьим или козьим молоком, но если демоническая сущность берёт верх, то основной её пищей становится человеческое мясо. Лучше всего сердце! Японцы считают, что именно там скрыты душа человека, его страсти, его любовь, храбрость, жажда жизни. И нет, говяжье или свиное сердце в данном случае не является равноценной заменой. Надо ещё прикупить чаю...

– Не только, – серьёзно кивнула мне с дивана блондинка, – у тебя в стране холодно, а я легко одета. Платье короткое, чулки чуть выше колен, бельё вообще одни кружева и ленты. Раз ты мой хозяин и господин, то должен одевать меня так, чтоб я не простудилась!

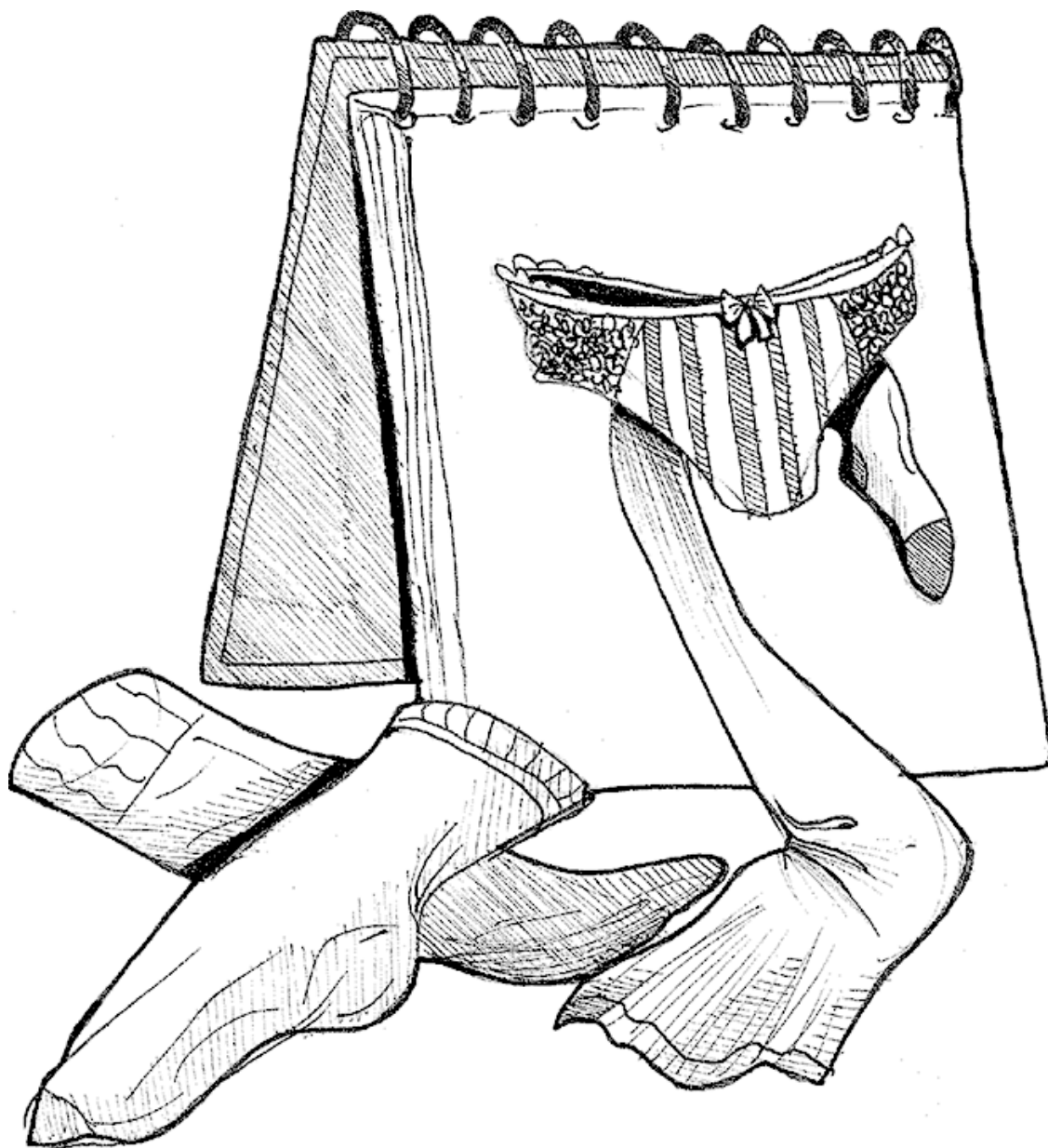
Рисовые шарики вдруг пошли не в то горло.

– Не подавись, пожалуйста, Альёша-сан! Я знаю, что сейчас ты беднее китайского студента. Но ведь ты умеешь рисовать! Просто нарисуй мне одежду.

Хм, я хлебнул остывший чай и постарался как можно быстрее покончить с едой.

– Как это нарисовать?

– Как ты умеешь, – важно кивнула она.

– Ох, прости, я не в этом смысле. Допустим, я нарисую, конечно, но дальше-то что? Мы никому это не продадим.

– Знаешь, кто ты?

– Глупый северный варвар.

– Правильно, – лисичка спрыгнула с дивана, чмокнула меня в щёку и взяла со стола блокнот, – смотри, мне нужно не так много...

Ага. Сначала я пытался записывать, потом запоминать, но довольно быстро сбился со счёта, потому что если идти и покупать абсолютно ВСЁ, что ей надо, то у нас в квартире просто не хватит места!

Подчёркиваю, во всей квартире, а не в шкафу или на полках. В общем, чтобы хоть на секунду представить размеры обрушившейся на меня трагедии, подчеркну – только разноцветных носочков, под погоду, под платье, под джинсы, под кимоно, под любой костюм, на выходные, на ночь и на каждый день, ей требовалось восемьдесят шесть пар. Подчёркиваю, именно носков! Гольфы, чулки и колготки считались отдельно.

– Кхм, кто-то вроде бы говорил мне, что кицунэ неприхотливы и чистоplotны?

– Очень чистоплотны! Поэтому менять носки надо три-четыре раза в день! Ты ведь не хочешь, чтоб рядом с тобой ходила скучная замарашка, в одном и том же залатанном платье?! Так, с мелочами решили, теперь давай обсудим мою одежду и обувь...

В конце концов я сдался, как и любой мужчина, которому собственные нервы дороже денег. Мияко-сан объявила, что начнёт с жизненно необходимого, положила передо мной мой смартфон, подсказала, в какие японские интернет-магазины надо зайти, и, пока я послушно листал страницы сайтов, выбрала себе самое дорогое кимоно, указав ноготком на экран:

– Вот это!

– Купить?

– Нарисовать!

Ох, пресвятой Скай Уокер, в смысле да запросто. Минут через десять в блокноте красовался вполне себе сносный рисунок, максимально схожий с оригиналом. Быть может, расцветка, конечно, подкачала. Возиться с красками я не стал, использовал обычные фломастеры, а они всё-таки не дают нужного колера.

– Ты настоящий мастер, Альёша-сан. – Состроив мне влюблённую мордочку, блондинка с ушками мазнула по рисунку ладошкой и настоящее шёлковое кимоно упало ей под ноги. Кажется, я замер с раскрытым ртом... – Пожалуй, переоденусь в ванной, – решила лисичка, перекидывая добычу через руку и поворачиваясь ко мне спиной, – хозяин такой целомудренный, не хочу его смущать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.